

Сюлли-Прюдом

Сюлли-Прюдом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С98

С98 **Сюлли-Прюдом**
Сюлли-Прюдом / Сюлли-Прюдом – М.: Книга по Требованию, 2022. – 178 с.

ISBN 978-5-519-76164-2

В переводах Андреевского, Анненского, Апухтина, К.Р. Ладыженского, Михаловского, Плещеева, Познякова, Тхоржевского, Хвостова, Чюминой, Эллис, Энгельгард, Якубовича

ISBN 978-5-519-76164-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отрывки изъ „Завѣщанія поэтамъ“.

(Testament poétique — 1901).

I.

Меня просили выбрать нѣсколько моихъ стихотвореній для публичнаго чтенія и сказать, что я о нихъ думаю.

Но, когда наши произведенія окончены, надо чтобы они сами себя защищали и объясняли: мы для нихъ ничего больше не можемъ сдѣлать.

Мои указанія, если бы имъ послѣдовали, могли бы даже, пожалуй, сбить съ толку. Для аудиторіи интересна драматическая композиція, а къ ней у меня, правду сказать, мало способностей. Анализъ чувствъ, независимо отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя ихъ породили, мнѣ болѣе привыченъ, чѣмъ разсказъ объ этихъ обстоятельствахъ и выводъ на сцену дѣйствующихъ лицъ. Чаще всего дѣйствующее лицо — я самъ; а свои чувства охотнѣе повѣряешь другимъ, чѣмъ свою жизнь. Между тѣмъ только одна жизнь даетъ сценическіе эффекты.

Я выбралъ бы стихи, лишенные дѣйстви, изысканные, утонченные,—можетъ быть, слишкомъ интимные. Декламатору эти мои стихи не дадутъ спокойной увѣренности при ихъ передачѣ: они требуютъ отъ слушателей слишкомъ напряженного вниманія. Въ рассказѣ одинъ пропущенный стихъ не помѣшаетъ сути, общій смыслъ заполнить этотъ пробѣлъ; но въ поэзіи чисто-лирической достаточно малѣйшей разсѣянности слушателей—и они потеряютъ нить. Надо, чтобы имъ читали вслухъ, давши въ то же время имъ самимъ книгу въ руки. Мои стихи не всегда имѣютъ желаемую ясность, а для чтенія вслухъ нѣтъ худшаго недостатка. Сентъ-Бевъ упрекалъ мои стихи въ недостаткѣ «воздуха», и хотя я дѣлалъ все, чтобы придать имъ воздуха,—но мало успѣлъ въ этомъ.

Прибавлю, что мнѣ не такъ легко было, какъ я думалъ, разобраться въ моихъ стихахъ и отмѣтить тѣ, которые мнѣ самому больше нравятся. Я долженъ былъ перелистать мои сборники, начиная съ первыхъ и до самыхъ недавнихъ, и я не зналъ, на чемъ остановить выборъ,—потому что, правду говоря, я нашелъ мало вещей, которыми былъ бы вполне доволенъ. Въ тѣ годы, когда поэтическое чувство свѣжо, наивно,—рѣдко владѣешь въ полной мѣрѣ тайной стиха, а позднѣе, когда ее постигнешь, еще рѣже удается сохранить свѣжесть и искренность вдохновенія.

Роковымъ образомъ человѣкъ бываетъ менѣе художникомъ въ то время, когда онъ наиболѣе впечатлителенъ, и менѣе поэтомъ тогда, когда онъ сталъ мастеромъ въ своемъ искусствѣ. Я не могу перечи-

татъ почти ни одного изъ моихъ первыхъ стихотвореній безъ того, чтобы не пожалѣть о неопытности рѣшмы, а съ другой стороны—послѣдніе мои стихи мнѣ кажутся менѣ вдохновенными, менѣ трогательными, хотя вкусъ и ухо здѣсь не такъ часто бываютъ задѣты. Я пытался исправить отдѣлку однихъ и подогрѣть тонъ другихъ, но вскорѣ увидѣлъ, что я обманываю самъ себя и, въ сущности, ничего не улучшаю.

Въ началѣ моихъ литературныхъ опытовъ, когда я ничего еще не печаталъ, я слагалъ стихи быстро, съ большой легкостью. Но я почувствовалъ, какъ этотъ даръ импровизаціи ослабѣвалъ во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я сознательнѣе относился къ своему искусству; и то, что было для меня игрой, теперь стало тяжелымъ трудомъ.

Никогда не забуду той рѣшающей эпохи, когда совершился этотъ переломъ въ моей манерѣ работать.

Впервые у Леконта де-Лиля, лѣтъ пятнадцать назадъ, на собраніяхъ, куда онъ меня принималъ, я понималъ, что такое хорошо сработанный стихъ.

Я былъ новичкомъ тогда; я жадно слушалъ рассказы многихъ учениковъ, а иногда и самого учителя, объ ихъ неизданныхъ произведеніяхъ, и я былъ пораженъ восхитительной крѣпостью стиховъ этого гордаго поэта, стиховъ, полноту и силу которыхъ подчеркивала его медленная, вѣская дикція.

Я узналъ въ этой школѣ, что богатство и вмѣстѣ трезвость выраженія даются сразу одной его вѣрностью. Точное, мѣткое слово получило въ моихъ глазахъ всю свою цѣну, и я тогда же рѣшилъ стремиться изгнать изъ моихъ стиховъ все широкія, слиш-

комъ общія выраженія, всѣ лишнія слова и сохранить только тѣ, которыя что либо внушаютъ, производятъ впечатлѣніе. Этимъ важнымъ урокомъ я обязанъ шефу той группы дебютантовъ, большая часть которыхъ теперь называется Парнасцами. Имя это и я носилъ также, но былъ столь неблагодарнымъ, что отрекся теперь отъ него.

Важное значеніе, придававшееся Парнасцами пластикѣ стиха, красотѣ чисто-музыкальной, независимо отъ выражаемой мысли или чувства, можетъ быть понято только художниками, оно мало интересуеть публику.

Впрочемъ. въ этомъ культѣ формы было увлеченіе и, слѣдовательно, крайности. Эти крайности, можетъ быть, помѣшали оцѣнить другое достоинство школы: ея ужасъ передъ вульгарностью, банальностью выраженій. Банальное выраженіе безусловно не можетъ быть вѣрнымъ, такъ какъ оно не характеризуетъ особенностей предмета.—Надо согласиться, что Парнасцы оказали услугу нынѣшнему поколѣнію поэтовъ. Въ итогѣ, они дали намъ бережный культъ красоты и ясности языка, о чемъ заботятся всѣ великіе мастера.

Я воспользовался этимъ урокомъ, хотя мой идеаль во многомъ разнился отъ идеала моихъ братьевъ Парнасцевъ. Я стремился къ ихъ совершенству въ формѣ, но въ эту форму облакалось мое собственное содержаніе. Я не пытался сравняться съ ними въ мастерствѣ живописи, въ описаніяхъ внѣшнихъ явленій въ природѣ и человѣкѣ. У меня не было для этого достаточно-живого и богатаго воображенія. Я выра-

жалъ мои задушевныя чувства, мои мысли, даже отвлеченныя идеи, что и было для меня камнем преткновенія. Если всегда трудно находить богатыя приемы, ничѣмъ не жертвуя изъ того, что хочешь выразить, то я испыталъ, какъ возрастаетъ эта трудность по мѣрѣ перехода темъ въ область разума, гдѣ логика требуетъ болѣе строгой послѣдовательности. Воображеніе даетъ свободу въ выборѣ словъ. Разумъ, наоборотъ, суживаетъ условія рѣчи, онъ сжимаетъ число словъ, которыми располагаетъ поэтъ.

Я почувствовалъ, напримѣръ, переводя первую книгу Лукреція, какъ рѣдко удастся подобрать хорошую риму, если стараешься передать безъ всякой натяжки мысль другого. То же самое будетъ, если и къ своей мысли относиться съ такимъ же уваженіемъ, какъ если бы она была чужая, т. е. если стремиться точно передать ее своимъ стихомъ. Я замѣтилъ, что техника стиха труднѣе въ лирической поэзіи, гдѣ выражаешь свои личныя ощущенія; состоянія души не такъ легко изобразить, какъ предметы внѣшняго міра. Тѣ—передъ вами; передъ вашими глазами или въ вашемъ воображеніи, но они остаются неподвижными такъ долго, сколько вы хотите, и чувство, которое они въ васъ будятъ, можетъ длиться столь же долго. Живописное дерево, которое я хочу изобразить, не уходитъ отъ меня, оно даетъ мнѣ время подобрать наиболѣе мѣткія слова, для того, чтобы нарисовать его точно. Но движеніе души, порывъ сердца, впечатлѣніе ума, которые я хочу передать,—здѣсь моделью мнѣ служатъ мои собственныя печали и радости. Могу ли я точно описать мое вну-

трение волнение, когда оно быстро улеглось? Какъ быть въ одно и то же время искренне растроганнымъ — и внимательнымъ въ выборѣ словъ для передачи этого волненія? Не кажется ли чудовищнымъ, что заботы о размѣрѣ стиховъ сопровождаютъ искреннее горе?

Мнѣ отвѣтятъ, можетъ быть, что «негодование рождаетъ стихъ», вдохновение рождается изъ чувства и не требуетъ отъ поэта размышленія, онъ страдаетъ и поетъ — это въ немъ нераздѣльно... Но если бы всегда было такъ! Въ прежнія времена, когда ухо не было еще избаловано непрерывнымъ богатствомъ рифмы и когда не слишкомъ еще придирались къ поэту, можно было писать по вдохновенію; стихи выигрывали въ легкости то, что они теряли въ точности. Теперь импровизація невозможна, по крайней мѣрѣ если не довольствоваться простымъ рифмоплетствомъ, т. е. если не прилаживать любую мысль къ заранее даннымъ словамъ, вмѣстѣ того, чтобы, наоборотъ, согласовать эти слова съ точнымъ выраженіемъ заранее избранной мысли.

Поэтъ долженъ обдуманно и тонко выбирать, ему необходима рѣдкая сила воли, чтобы не давать ослабѣть въ себѣ писательской честности. Онъ долженъ приобрести навѣкъ закрѣплять въ душѣ самыя мимолетныя впечатлѣнія достаточно энергически и надолго, чтобы быть въ состояніи ихъ остановить, поставить ихъ какъ бы во внѣ, передъ собой. Въ нихъ тогда—его модели, и подъ зоркимъ окомъ сознанія онъ можетъ отыскивать на палитрѣ поэзіи тѣ вѣрные оттѣнки красокъ, которые ихъ передадутъ.

Не думайте, однако, чтобы эта обдуманность, подмѣняющая импровизацію, была вовсе лишена жара или вдохновенія и что поэтъ, для того, чтобы быть хорошимъ работникомъ, долженъ быть равнодушнымъ. Происходитъ очень странное явленіе: отнюдь не лишая впечатлѣнія его живости, такое самонаблюденіе сердца даетъ бѣольшую глубину сознанія и позволяетъ наслаждаться не только радостями, но даже печалями, перенося волненія выше, въ область прекраснаго, гдѣ они становятся музыкальными и преображенными.

Кто выразитъ глубокое наслажденіе, которое испытываетъ поэтъ, лаская мелодіей размѣра и рѣимы свои самыя искреннія человѣческія скорби! Онъ облегчаетъ свои горести, выражая ихъ тщательно отдѣланными стихами, какъ бы медленно ихъ оплакивая. Грусть, печаль не только не профанируются художественной обработкой, но выходятъ изъ этого труда освященными.

Пытаясь очертить такое раздвоеніе поэта, когда артистъ наблюдаетъ въ немъ человѣка, я думаю о томъ состояніи, въ которомъ находился я самъ, сочиняя небольшую пьесу «Разбитая ваза» — одно изъ первыхъ стихотвореній, надъ которыми я работалъ, уже не дѣлая себѣ послабленій. Я его не импровизировалъ: листокъ, исписанный мною, былъ весь испещренъ пометками. А между тѣмъ нѣтъ ни одного, быть можетъ, стихотворенія, которое было бы мнѣ внушено болѣе грустнымъ чувствомъ. Именно эта искренность моей печали и заставляла меня дѣлать все новыя поправки, чтобы достичь вѣрнаго впечатлѣнія. Труд-

ность найти безусловно точное выражение заставляла меня чувствовать малѣйшіе оттѣнки, которыми различаются слова,—а слѣдовательно и тайныя черты той печали, которую я переживалъ. Искусство дѣлало болѣе чуткимъ мое горе, но въ то же время утѣшало меня, какъ бы вознаграждая за мое благоговѣйное отношеніе къ нему.

Вижу, что сильно затянулъ разговоръ о техникахъ стиха. Не удивляйтесь этому: безъ законченной формы нѣтъ долговѣчныхъ произведеній. Дѣйствительно, что такое форма, какъ не само содержаніе, ставшее видимымъ и осязаемымъ!

Коротко скажу еще о темахъ, которыя я выбираю съ наибольшею любовью. Кромѣ изображенія неясныхъ и тонкихъ движеній души, особенно меня занимавшихъ въ первые годы моей дѣятельности, я обязанъ моему научному образованію и моей страсти къ философіи—горячимъ желаніемъ ввести въ область поэзіи чудесныя завоеванія науки и возвышенныя обобщенія современной теоріи. Можно ли, напримѣръ, обладая хотя бы общими познаніями въ астрономіи, не оторваться отъ мифологическихъ концепцій, которыя по большей части составляютъ основу античной поэзіи. Какъ намъ кажутся жалки колесница Аполлона, его золотыя стрѣлы и бѣгъ его коней въ сравненіи со страшнымъ блескомъ громаднаго солнца, которое мы теперь знаемъ! Это впечатлѣніе я старался выразить въ моемъ стихотвореніи «Восходъ Солнца», гдѣ я хотѣлъ схватить поэзію истиннаго движенія земли.

Область поэзіи такъ же обширна, какъ область прекраснаго.

Но что такое прекрасное? Имѣть ли смыслъ это слово? Увы, немногіе чувствуютъ прекрасное, еще меньшее число людей его передаютъ и никто еще его не опредѣлили.

Предположимъ, что всѣ люди одарены способностью точно наблюдать и воспроизводить природу: станутъ ли тогда всѣ художниками? Достаточно ли этихъ способностей для того, чтобы заслужить имя художника?

Какое же имя мы сбережемъ тогда для тѣхъ, кто, будучи столь же наблюдательнымъ и искуснымъ, обладаетъ еще однимъ преимуществомъ: умѣніемъ различать и выдвигать изъ характернымъ особенностей предмета тѣ рѣдкія черты, гармонія которыхъ и составляетъ то, что мы зовемъ словомъ—красота.

Не потерпимъ, чтобы благородное имя художника слишкомъ легко расточалось. Дадимъ его только тому, кто, заимствуя у природы всѣ ея линіи и всѣ ея краски для того, чтобы его произведеніе было правдиво, — выбираетъ ихъ еще такъ, чтобы оно было прекрасно. Только такой художникъ дастъ намъ единственное, истинно артистическое наслажденіе, за которое никогда не придется краснѣть.

II.

Переводчикъ — это истолкователь, который находитъ въ себѣ тѣ же нравственныя и литературныя свойства, какія видитъ въ избранномъ имъ поэтѣ; тотъ же вкусъ, тотъ же темпераментъ. Поэтому хорошій переводъ нельзя заказать; это — дань сочувствія и уваженія оригиналу. Передать можно только то, чѣмъ самъ обладаешь, или что можешь сдѣлать своимъ.—

Переводить нельзя «слово за словомъ», хотя съ этого и начинается всякій переводъ. Поэтъ-переводчикъ прежде и больше всего озабоченъ тѣмъ, чтобы открыть и создать на родномъ языкѣ стихъ, въ музыкальномъ отношеніи равный оригиналу, передающій свойственную послѣднему гармонію; найти тотъ же слогъ, тотъ же тонъ, ту же «поступь». Но у поэтовъ слогъ осложняется еще опредѣленной пѣвучестью размѣра; это вводитъ въ поэтическое творчество новый, совершенно особый элементъ выразительности, отсутствующій въ прозѣ, и въ каждомъ языкѣ различный, своеобразный. Вотъ почему всякій стихотворный переводъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, можетъ быть только приблизительнымъ; онъ заранѣе обреченъ на несовершенство.

Сюлли-Прюдомъ.